

ПИСЬМО КРЕСТЬЯН К ПУШКИНУ

(неизданный документ)

«Образ правления в Горюхине несколько раз изменялся. Оно попеременно находилось под властью старшин, выбранных миром, приказчиков, назначенных помещиком, и наконец, непосредственно под рукою самих помещиков».
(«История села Горюхина».)

Пушкинская вотчина Болдино, заброшенная в глушь нижегородских болот и степей, разделяла судьбу большинства крепостных поместий, находившихся в отдалении от столиц. Являясь основным источником существования владельца, Сергея Львовича Пушкина, она в то же время менее всего пользовалась его вниманием. Он не посещал ее, не вмешивался в ее управление, ограничивался получением оброчных сумм через управителей и время от времени закладывал и перезакла­дывал в Опекунском Совете то или иное количество крепостных душ¹.

С 1826 г. управляющим Болдина был назначен крепостной Пушкиных, из их псковского имения, Михайло Калашников. Десять с лишним лет, при жизни А. С. Пушкина, сидел он на шее болдинских крестьян и беспощадно, систематически грабил и разорял их, плутовал перед помещиком и нагло богатеял за его счет. Чтобы приблизительно представить себе, каково было правление Калашникова, достаточно прочесть следующий отрывок из «Истории села Горюхина», писавшейся Пушкиным в Болдине в 1830 г. Рисуя в этом произведении типичнейшую картину разоренного крепостного поместья,

¹ См. опубликованный нами «Счет по займам Сергея Львовича Пушкина» с перечнем домов по Болдину и Кистеневу. «Красный Архив», т. XXVШ, 1928.

Пушкин так изобразил правление «приказчика»¹, во многом напоминающего болдинского Калашникова.

Главным основанием системы правления приказчика была следующая аксиома: «чем мужик богаче, тем он избалованнее, — чем беднее, тем смирнее. — Вследствие сего старался о смирности вотчины, как о главной крестьянской добродетели.

1) Недоимки были разложены на всех зажиточных мужиков и взыскиваемы с них со всевозможной строгостью. 2) Недостаточные и празднлюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню—если же, по его расчетам, труд их оказывался недостаточным, то он отдавал их в батраки другим крестьянам, за что они платили ему добровольную дань, а отдаваемые в холопство имели полное право откупаться—заплата сверх недоимок двойной годовой оброк. Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю, ибо от него по очереди откупались все богатые мужики, пока, наконец, выбор не падал на негодя или разоренного. Мирские сходки были уничтожены. Оброк собирал он понемногу и круглый год сряду. Мужики, кажется, платили и не слишком более против прежнего, но никак не могли ни наработать, ни накопить достаточно денег. В три года Горюхино совершенно обнищало.

К полному обнищанию шло также пушкинское Болдино. Результаты правления Калашникова были настолько очевидны, что их замечал каждый, мало-мальски прикоснувшийся к делам по болдинскому хозяйству. Хорошо знал калашниковскую систему и Пушкин, с 1830 г. ставший частичным владельцем нижегородской вотчины. Попытки обезвредить Калашникова были сделаны, но не достигли результата. В 1833 г. в Болдино был послан наемный управляющий, белорусский дворянин Пеньковский, а осенью 1834 г. Пушкин, посетив Болдино, записал в дневник следующие строки: «съездил в Нижегородскую деревню, где управители меня морочили». Следовательно, Пеньковский вошел в контакт с Калашниковым и продолжал его систему. В 1834 г. Пушкин послал в Болдино нового управляющего немца Рейхмана, который, однако, увидя степень разоренности имения, отказался от его управления.

Если Пушкин стремился, хотя и тщетно, изменить сверху административный строй Болдина, то к тому же стремились

¹ Сопоставление это было уже сделано П. Е. Щеголевым в его книге «Пушкин и мужики» (изд. «Федерация» 1928). Отсылая к этой книге, дающей детальное исследование быта Пушкина-помещика, в нашей работе мы лишь бегло напомним те эпизоды из этого быта, которые помогут нам комментировать новый документ.

снизу и обездоленные Калашниковым крестьяне. При частых приездах Пушкина (в 1830, 1833 и 1834 гг.) в Болдино, между ним и крестьянами всегда стояла фигура управителя, старательно «морочившая» барина и оберегавшая его от непосредственного общения с крестьянами. Из письма немца Рейхмана мы знаем, что попытки к этому крестьянами делались: «Вы меня рекомендовали Михайле Иванову, — писал немец, — но я в нем ничего не нашел благонадежного, через его крестьяне ваши совсем разорились; в бытность же вашу прошлого года в вотчинах крестьяне ваши хотели вам на его жаловаться и были уже на дороге, но он их встретил, не допустил до вас и наказал, и я обо всем оном действительно узнал не только от ваших крестьян, но и от посторонних поблизости находящихся суседей».

В письме Пушкина к жене от 15 сентября 1834 г. тоже есть упоминание о челобитной, с которой пришли мужики к нему во время его пребывания в Болдине. О чем были челом ему мужики, он не пишет и лишь замечает, что «принужден хитрить» с ними. Наконец, есть какое-то неясное упоминание о письменной жалобе, поданной крестьянами Пушкину, в письме Калашникова, недавно опубликованном П. Е. Щеголевым¹. Письмо сохранилось и может быть истолковано различным образом. Несомненно в нем есть стремление Калашникова оправдаться в возводимом на него обвинении, но в чем заключалась жалоба, понять из письма трудно. Приведем интересующую нас часть письма по публикации П. Е. Щеголева:

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Извините меня милостивый государь, что без покою вас мою прозбою, так как я писал прежде и посылал бумаги черновые писанные Васильем Козловым к батюшке вашему, но это и теперь подтверждаю точно им Козловым писаны были о чем я узнал ему хотелось... не было дела до... вашей чести за... бы крестьяне зна... не... гов... болд... не будет не только... но бог его наказал о чем неизвестно нам а крестьяне со всем не писали и ничего незнают только отних ни писано... подписаны в прозбе, вовсе был участник наш земский, за все мои к нему милости он злом плотит за что и его божия казнь не оставит без наказания, а я всегда скажу и т. д.

¹ Ibid. Стр. 103.

Итак, по словам Калашникова, выходит, что враждебно настроенный к нему «земский» написал на него жалобу от лица крестьян, при чем сами крестьяне и не подозревали об этом. Поверить этому трудно, в особенности сопоставив этот факт с приведенной выше цитатой из письма немца Рейхмана.

В настоящее время в бумагах Григория Александровича Пушкина, внука поэта, нашлась одна крестьянская челобитная, обращенная к его деду. Через нее нам слышится слезный голос болдинских крестьян, выведенных из терпения безжалостным «образом правления» Калашникова и возлагающих последние надежды на молодого барина, посещавшего Болдино. Вот этот удивительный документ, который мы приводим с полным соблюдением особенностей его начертания:

*Государь
Александр Сергеевич,*

просим вас государь в том,
что вы тапера наш господин,
и мы вам с усердием нашим
будем повиноваться, ивыполнять
в точности ваши приказаніи,
но только в том просим вас
государь, сделайте великую сна-
ми милость, избавьте нас
от нынешняго правления, апри-
кажите выбрать нам своего
начальника, иприкажите ему,
и мы будем все исполнять ваши
приказаніи,

Документ написан на полулисте плотной, пожелтевшей от времени бумаги, на которой виднеется часть водяного знака 29 (очевидно, 1829 г.). Написана челобитная без помарок, довольно искусной рукой, — вероятно, рукой какого-нибудь сельского специалиста по составлению прошений и жалоб. Невольно вспоминается изображенный Пушкиным в той же «Истории села Горюхина» земский Терентий, о котором повествуется так: «Сей необыкновенный человек прославился в околотке сочинением всякого рода писем, челобитных, партикулярных пашпортов и т. п. Неоднократно пострадал за свое искусство, услужливость и участие в разных замечательных происшествиях, он умер уже в глубокой старости, в то самое время, как приучался писать правою ногою, ибо почерки обеих рук были уже слишком известны».

Жалоба, поданная Пушкину, была тоже из таких бумаг, авторам которых приходилось заботиться о своем инкогнито.

Калашников, узнав о ней, сумел бы расправиться и с грамотеям и с его клиентами. Поэтому не мудрено, что под ней нет никаких подписей, отчего она на первый взгляд производит впечатление черновика или неоконченного письма. Этому впечатлению способствует запятая, поставленная в конце. Однако, как можно судить по всему тексту письма, писец вообще знал всего лишь один знак препинания—запятую—и ставил ее во всех нужных и ненужных местах. Трудно предположить, чтобы в руки Пушкина попала челобитная в незаконченном, черновом виде. Является ли данная челобитная той самой «пробой», о которой писал Калашников и которую стремился выставить как плод враждебных ухищрений «земского» — сказать трудно. Разрешить затруднение можно бы было, точно датировав эти два документа, но ни то, ни другое письмо точной датировке не поддаются. П. Е. Щеголев относит письмо Калашникова «ко времени, предшествующему удалению Калашникова» (стр. 104) или, вернее, назначению Пеньковского, так как Калашников удален не был. Следовательно, это 1833 г., и если это так, то письмо крестьян, опубликованное нами, не стоит в связи с письмом Калашникова: хотя оно также не датировано, но с небольшой долей вероятности оно может быть отнесено или к 1830 или к 1834 гг.

Выражение, употребленное в челобитной—«что вы та перя наш господи»,—говорит о недавнем вводе во владение Пушкина. Как нам известно, это произошло в 1830 г., когда перед женой сына Сергей Львович выделил ему 200 душ в сельце Кистенева, составлявшем часть Болдинской вотчины. Итак, авторами челобитной могли быть кистеневские мужики¹. Но не исключена возможность, что письмо относится к более поздней поре. В 1834 г. Пушкин, по просьбе родителей, принужден был взять на себя управление всем Болдиным и в апреле этого года он писал Пеньковскому с приказом относиться по всем болдинским делам непосредственно к нему. Возможно, что крестьяне избрали этот момент, чтобы поспешить с прось-

¹ Сохранилось несколько разновременных свидетельств о том, что именно среди кистеневских крестьян наблюдался некоторый дух «оппозиции», объясняющийся конечно наиболее бедственным экономическим положением этой деревни. Самое основание Кистенева приурочивается к «бунту» и «самоуправству», в наказание за которые часть болдинских крестьян была выселена в новую деревню (А. Звездин: «О Болдинском имении А. С. Пушкина» стр. 9, 1912). П. Е. Щеголев приводит свидетельство помещика Бобоедова (1849 г.) о том, что у кистеневских крестьян «совершенно испортилась нравственность» вследствие ужасающей нищеты, а также письма кистеневских крестьян к Н. Н. Пушкиной-Ланской и к опеке (1849—1850 гг.), с просьбами в «платеже каждогодного оброка делать облегчение» (ibid., стр. 88, 199—211).

бой их избавить от «нынешнего правления», т. е. от Калашникова и Пеньковского. Взамен их крестьяне предлагали систему избрания управителя «миром» («прикажете выбрать нам своего начальника»).

Как отнесся Пушкин к этому предложению? Нам известен взгляд Пушкина на управление помещьем через выборных старшин. В «Истории села Горюхина» и в «Повестях Белкина» он изобразил этот способ управления, как самый желательный для крестьян, но самый невыгодный для помещиков. Старшины обычно «потворствовали» выбравшим их крестьянам, «плутуя с ними заодно», грозные предписания помещиков «староста читал на вече, старшины витийствовали, мир волновался — а господа, вместо двойного оброку, получали скучные отговорки и смиренные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошом».

При таком взгляде Пушкина на управление при помощи выборных старост челобитная не могла иметь успеха. Систему управления, согласно просьбе крестьян, он не изменил, а пытался найти новый, третий способ ведения хозяйства. Судя по отрывку из «Истории села Горюхина», взятому нами как эпиграф, третий путь заключался в управлении имением лично помещиком. К этому решению пришел Пушкин, сознавая и его материальную выгоду и идеологическую важность с точки зрения поместного дворянства. «Звание помещика есть та же служба. Заниматься тремя тысячами душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши. Небрежение, в котором мы оставляем наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает, мы проживаем в долг наши будущие доходы и разоряемся» («Отрывки из романа в письмах»).

Так писал Пушкин еще в 1829 г., а в 30-х годах в нем постепенно созрел план отъезда в деревню с семьей. В неизданном письме Вяземского к А. Тургеневу¹ (январь 1836 г.) есть такая фраза: «Проигрыш Пушкина как-то не так незначителен, как предполагали, но все поедут они в деревню на несколько лет». Однако, планам этим не суждено было осуществиться, и болдинские крестьяне при жизни Пушкина не испытали на себе третий «образ правления».

¹ Остафьевский архив.

ный ко мне Лернер у Ефрона истолковывает его хорошо и верно). Есть у меня его карандашный портрет, подрисованный Петерсоном в 1840 г. в Одессе (?) с оригинала Крапкова (?) 1829 г., хотя под самим портретом помечено: Дерпт 1828 г. Хорошо нарисован—по тогдашним понятиям—и с подписью: «Мы весело, мы шумно жили». Портрет окружен виноградными лозами. Сверх этого—лишь сборники стихотворений с посвящением Жуковскому, а один сборник—Н. Гоголю. В числе многочисленных писем, доставшихся мне уже позднее нашего свидания, нет ни одного от Языкова, как, впрочем, нет и много другого, чего можно было бы ожидать среди них. Но вообще зато—замечу тут кстати—просто ахнете, когда увидите... Приезжайте же «сознательно». Тем не менее, когда наступит время Вашей поездки, — надо списаться, чтобы досадно не разминуться. Ежегодно летом я бываю в Германии и недели 4 в чудном, Вам хорошо знакомом Веймаре у моего друга П. В. Жуковского, с которым Вам следует непременно познакомиться, даже если бы я и не находился тогда там. Обыкновенно это случается в сентябре (постараюсь ныне даже в конце августа — здешнего конечно). Словом, надо списаться.

Хотя я теперь гораздо спокойнее о посмертной участи своего собрания, хорошо и прочно обеспеченной, я не совсем доволен излишне бюрократичным отношением ко мне Академии. Но об этом при личном свидании...

Кислый резонер Смирновой¹ превратился у Араповой в кровосмесителя. Обе дочери кадят своим матерям, что, конечно, похвально, но ну их...² Декабрьская заметка Бартенева близка к истине, но все опять—дело матерей, а нам подавай самого Пушкина.

По «тексту» ефроновское издание самое безграмотное среди серьезных изданий, но все-таки большой шаг вперед для возможности «Академического», которое преждевременно не по времени, а по отсутствию переходных стадий. В Москве Брюсов редактирует чье-то новое издание соч. Пушкина. В добрый час. Знание и «нюх» у него имеются. Лично же я очень рад, что дожил до ефроновского окончания стихотворной части, и, быть может, доживу и до окончания остального. До вполне «Академического» не дожить».

¹ Т.-е. Пушкин, как он, по мнению Онегина, изображен в «Записках А. О. Смирновой».

² Пропускаю два слова.

ПАМЯТИ
П. Н.
САКУЛИНА

СБОРНИК СТАТЕЙ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»
Москва—1931